

БИТВА

РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ В СИРИИ

ЗА ПАЛЬМИРУ

ПУСТЫНЯ — НАШ СОЮЗНИК

С Е Р Г Е Й   З В Е Р Е В

Сергей Иванович Зверев
Пустыня – наш союзник
Серия «Битва за Пальмиру.
Российский спецназ в Сирии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17516843
Пустыня – наш союзник/ Сергей Зверев: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90885-1

Аннотация

Отряд спецназа ГРУ под командованием капитана Бориса Котова уничтожил лагерь подготовки сирийских боевиков. Из захваченных документов разведчики узнали координаты крупного центра террористов, в котором планируются жестокие диверсии на территории Сирии. Спецназовцы отправились в опасный рейд, чтобы ликвидировать центр. Но террористический объект оказался крепким орешком, и бойцы Котова попали в страшную мясорубку. Капитан понял: отряд можно спасти, только приняв рискованное решение...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Зверев

Пустыня – наш союзник

Глава 1

Юго-восточная Сирия, 180 км южнее г. Эль-Хадьба. Тренировочная база вооруженной оппозиции

Раскаленная каменистая равнина тянулась на сотни и тысячи километров. Чахлая колючая трава едва цеплялась за горячие камни. Кустарник, серый от пыли, заполнял неглубокие низины. Иногда он выбирался из них на ровные участки скудной почвы пустыни. Небольшие холмы чередовались с понижениями рельефа. Изредка унылый ландшафт прорезали дороги, кое-как покрытые плохим растрескавшимся асфальтом, но чаще это были просто накатанные грунтовые колеи.

Раскаленный ветер высушивал кожу, вытягивал из нее жалкие остатки влаги. Людям, непривычным к этим суровым условиям, казалось, что она становилась тонкой и ломкой, как старинный пергамент. Целыми днями без устали палило злобное солнце, выжигающее глаза человека, заставляющее их слезиться, вызывающее радужные сияния на сетчатке. От сухости и солнца губы покрывались трещинами, из которых постоянно сочилась сукровица. От пыли никуда не

спрятаться. Она повсюду: на зубах, в волосах и в солдатских ботинках, под одеждой, в постели, даже в пище.

Ахмад одолел меньше половины круга по периметру лагеря, но ему казалось, что он бежит весь день. За спиной у него остались километры пути между этими ненавистными железными модулями казарм, которые не остывают и источают адский жар даже ночью. Мимо столовой, из которой доносятся запахи, отнюдь не вызывающие аппетита, скорее призванные напрочь отбить чувство голода и желание съесть хоть что-нибудь. Ноги парня дрожали. Горло, иссеченное жаром и мелким песком, хватало сухой воздух, который никак не мог насытить легкие. Еще пара шагов, и изо рта хлынет кровь.

Сегодня исполнилась неделя с того дня, когда щуплый невысокий восемнадцатилетний сирийский паренек Ахмад попал в тренировочный лагерь. Семь суток борьбы за выживание. Их тренировали на выносливость, заставляли есть то, от чего и шакала стошнит, пить бурую воду с запахом разлагающихся трупов.

Стрелять парней учили особенно много и тщательно. Из автоматического оружия и пистолетов. Инструкторы показывали молодым бойцам, как надо пользоваться автоматическими и противотанковыми гранатометами, огнеметами, переносными зенитно-ракетными комплексами. В темноте, во время пыльной бури, среди грохота разрывов, на свет, на звук, по памяти, из положения лежа, сидя, свисая с перекла-

дины вниз головой, в прыжке, перекатываясь по земле.

В двух километрах от базы находился поселок нефтяников, разрушенный несколько лет назад. Три десятка каменных домов и стальных конструкций. Все это проржавело, частично осыпалось, после того как месторождение опустело. Здесь, в этих развалинах, на улицах и в зданиях парней учили воевать в городских условиях.

Ахмад споткнулся и упал, содрал до крови ладони и разбил о камни колено. Рядом мгновенно возникли ботинки инструктора Железного Фараха. Именно так его называли здесь. Он прибыл в лагерь с побережья или откуда-то с севера.

Фарах собрал свою группу в тридцать бойцов и лично тренировал ее отдельно от других. Гонял без пощады. Страшно наказывал за проступки и невыполнение его приказов и щедро награждал тех, кто демонстрировал силу, сообразительность, выносливость и жестокость.

Сейчас он стоял рядом с Ахмадом, упавшим без сил. Носок его высокого американского ботинка песочного цвета нетерпеливо постукивал по камням.

Парень знал, что обязательно должен встать. Иначе расправа может оказаться очень жестокой. Ахмад собрал все силы, оперся руками о землю и тут же снова со стоном свалился под ноги инструктора. Саднящая, нестерпимая боль в содранных до крови ладонях подвела его.

Пинок ботинком в бедро был болезненным до слез. Ах-

мад стиснул зубы и думал только об одном – чтобы из глаз не брызнули слезы отчаяния, бессилия и жалости к самому себе.

«Ты должен опереться на локти и подтянуть колени», – мысленно советовал сам себе Ахмад, боясь в любой следующий момент получить еще один удар ботинком.

Но Фарах вел себя странно. Он почему-то медлил.

В душу Ахмада невольно закралась трусливая мыслишка о том, что зверь-инструктор вдруг пожалел паренька из далекой сирийской деревни. Сейчас он проявит милосердие к нему и отпустит в казарму.

Ахмад поднялся, вытянулся, как и полагалось стоять перед инструктором, и стал смотреть выше его левого плеча. В глаза глядеть не рекомендовалось. Это расценивалось как вызов и каралось поединком. Точнее сказать, простой дракой, в которой Фарах всегда выходил победителем. Он до полусмерти избивал таких наглецов. Ни один дурак еще не додумался до того, чтобы во время поединка попытаться ударить инструктора. Его боялись.

– Руки! – рявкнул Фарах.

Его широкоплечая невысокая фигура отбрасывала на ноги Ахмада чудовищную, жуткую тень. Или же та просто казалась ему таковой от страха. Ахмад боялся даже тени этого человека. Он не понял команды и посмотрел на свои руки.

– Руки передо мной! – снова рявкнул инструктор. – Ладонями вверх.

По спине Ахмада потек холодный пот. Он вытянул вперед руки и повернул их изодранными ладонями вверх.

Фарах, глядя пареньку в лицо, медленно полез в задний карман армейских бриджей и вытянул оттуда прозрачный пакетик с каким-то белым порошком. Он поднес его к ссадинам на ладонях Ахмада и высыпал часть содержимого сперва на одну, а потом и на другую руку. Ахмад взвыл, пошатнулся, вытаращил обезумевшие глаза. Это была соль.

Нестерпимая боль огнем охватила руки парня. Ахмад кричал в исступлении, его руки тряслись как у паралитика, из глаз хлестали слезы, изо рта лилась пена. Но он прекрасно помнил, что надо стоять на месте. Недавно парень видел, как в подобной ситуации один из его товарищей побежал к бочке с водой. Фарах застрелил его в ту же секунду на глазах у всей группы.

Когда Ахмад почти потерял сознание и начал падать на камни, инструктор кивнул двоим бойцам. Они подхватили паренька и потащили к бочке с водой.

Ахмад не видел и не знал, что Фарах смотрел ему вслед с одобрением. На его губах играла кривая улыбка садиста.

– Из этого волчонка толк будет, – негромко сказал инструктор. – Я продублю ему шкуру.

Сирия, селение Актуб

Селение Актуб было разрушено во время боев еще в прошлом году, когда правительственные части отступали, сда-

вали город за городом. Капитан Котов оперся локтями о выщербленный край стены и приложил к глазам бинокль.

Да, когда-то тут было красиво. Селение располагалось в оазисе. Пальмовая роща виднелась на северной окраине. За ней зеленели луга. Тут хватало скота, процветала торговля. Богатый был поселок. Ухоженные дворы, асфальтированные центральные улицы.

Но теперь почти все дома уже были без крыш. На улицах много сгоревших машин, воронок от мин и снарядов. Кое-где асфальт взрыт танковыми гусеницами.

Котов положил руки на автомат, висевший у него на шее, перебежал открытый участок и прижался потным животом к стене другого дома. Его группа заняла позиции на окраине, у разрушенной насосной станции, сгоревшей автозаправки и магазина. Приказ был прост как апельсин. Атаковать, прорваться к двухэтажному зданию больницы и помешать вывезти или уничтожить документацию, находившуюся там.

По оперативным данным, в этом здании расположилась группа переводчиков-сирийцев из числа сторонников вооруженной оппозиции действующему правительству. Она была занята переводом технической документации американских средств связи, переносных зенитно-ракетных комплексов и еще кое-какого вооружения, тоже произведенного в Штатах.

По данным разведки, в Сирию через Турцию и Ирак идет поставка вооружения, технических средств связи и управления. Зафиксировать, документально подтвердить эти по-

ставки, учесть США в помощи сирийским террористам всех мастей, прикрывающим и охраняющим нелегальную добычу и продажу нефти, — такова была одна из задач группы спецназа военной разведки России.

Она выполняла и иные поручения. Группу капитана Котова, как и несколько других, находящихся в Сирии, командование постоянно бросало с места на место, порой пускало в дело с колес, едва поставив задачу и ознакомив с имеющейся информацией. Зачастую очень скудной.

За два месяца группа выполнила двенадцать сложных боевых задач. Она действовала как совместно с подразделениями сирийской армии и спецназа, так и в отрыве от правительственных сил на территории, контролируемой исламистами.

Из двадцати человек, которых Котов привез сюда два месяца назад, у него осталось семнадцать. Однажды группа попала в засаду. Сирийское подразделение, действующее вместе с ней, было уничтожено полностью. Старший лейтенант Артем Данилов прикрывал отход товарищей и погиб. Двух бойцов отправили домой с тяжелыми ранениями.

Обстановка в Сирии была сложная. Правительство потеряло контроль над большей частью территории страны. Повсюду бесчинствовали хорошо вооруженные банды оппозиции самых разных мастей, от радикальной до той, которая называла себя умеренной.

Все хотели власти в стране и нефти. Четыре крупных и

десятки мелких месторождений находились под контролем боевиков. Нефть тысячами автоцистерн перевозилась в Турцию и Ирак, а оттуда уходила на мировой рынок по дико низким ценам. Боевики получали деньги, оружие, боеприпасы, снаряжение.

Сзади затопали ноги, со стены посыпались остатки штукатурки. Лейтенант Зимин, переводчик группы, упал на землю рядом с Котовым и вытер лоб сгибом руки.

– Ну и что там? – спросил капитан и снова приложил к глазам бинокль.

– Полный порядок, командир. Сирийцы вышли на рубеж атаки. Они немножко постреляли с закрытых позиций в белый свет, чтобы не спугнуть наших клиентов, под этот шумок выдвинули три танка.

– Это я слышал. – Котов усмехнулся. – Слабенькая маскировка, ну да нам теперь не важно. Бандерлоги все равно ничего уже подтянуть сюда не смогут. Сигналы согласовал? Всё без изменений?

– Так точно. В одиннадцать артподготовка, совсем короткая, на три залпа. Сирийцы бьют по заслону на шоссе у въезда в поселок, расчищают нам дорогу. Потом пулеметный трассер по левому флангу – ориентир двенадцать по карте. Наши друзья двумя ротами атакуют с северо-запада и с востока, имитируют охват флангов. Рота в резерве на случай попытки прорыва. Танки ждут приказа. Если захлебнется атака, они прорывают укрепления с северо-запада. По цен-

тру и больницы никто не стреляет. К ней сирийцы не идут. Ждут нашего приказа.

– Хрен там уже что-то прикажешь, – проворчал Котов. – Если они встанут, упрутся в стену, то любые команды отдавать будет бесполезно. Клиенты просекут ситуацию и вывезут документацию. Если наши друзья зарвутся и пойдут в центр, то мы друг друга перестреляем или они больницу спалят. Опять хрен редьки не слаще. Нам надо бы центр зачищать, а не в войнушку играть. Но ничего уже не изменишь, и времени на подготовку нет.

– Учить их надо, Борис Андреевич, – сказал Зимин. – Нужны наши инструкторы. Пусть сирийцы перенимают нашу тактику, уставы.

– Ага, сейчас мы все бросим и начнем перестраивать их армию. Оно нам надо? Ладно, Зима!.. – Перед началом любой операции капитан Котов переходил на обращение к подчиненным по позывным. – Свою задачу помнишь?

– Товарищ капитан! – Зимин вскочил с земли, опомнился, пригнулся, чтобы голова не торчала над обломками стены, и принялся отряхивать штаны.

– Я приказал тебе сидеть здесь и не рыпаться! Ты мне должен картинку давать отсюда, сообщать со своего НП, что сирийцы творят, и слать им приветы от меня. Ты мне живой нужен, понял? У меня есть кому воевать. Ты обязан пленных бандерлогов допрашивать и сирийских армейцев до ума доводить. Тебя в МГУ учили, да? Вот и отработывай государ-

ственные денежки, на тебя потраченные. Как я потом буду у начальства второго переводчика выпрашивать, если первого не сберег? Меня стыдить станут. Оно мне надо?

– Ладно. – Зимин вздохнул, присел на корточки, погладил свой автомат.

– Вы меня расстраиваете, лейтенант Зимин, – заявил Котов и иронически хмыкнул.

– Виноват, – опомнился переводчик. – Есть остаться на этом НП и вести наблюдение за действиями сирийского батальона поддержки.

– Да, как-то так, – подтвердил командир, посмотрел на лейтенанта и усмехнулся.

Зимин Котову нравился. Этот вчерашний студент, выпускник МГУ, сам попросился в Сирию. Парень постоянно рвался в бой. Ему хотелось быть наравне с боевыми друзьями, а не находиться на положении ценного кадра, с которым все нянчатся. Отцы-командиры и в самом деле приказали беречь переводчика.

С другой стороны, Олег Зимин был очень интеллигентным парнем. В группе над ним посмеивались, но без злобы, крутых шуточек и пикантных розыгрышей. Все-таки офицер, лейтенант.

Парни веселились, глядя, как он постоянно отряхивал штаны, когда поднимался с земли или задевал коленом о разбитую стену. От него постоянно пахло хорошим мужским парфюмом. Он всегда был чисто выбрит, откровенно сты-

дился своих мокрых подмышек, пятен на груди и спине, как и у всех других. Бойцы не раз видели, как он украдкой пытался понюхать себя. Не несет ли потом?

Дисциплина в группе Котова, конечно, была военная. Сексуальная небритость и грязная форма не поощрялись даже в полевых условиях. Ребята с удовольствием при первой же возможности спешили в душ, а потом приводили себя в порядок. На базе были и женщины. Перед ними никто не хотел выглядеть оболтусом. Но Зимин в плане чистоты и опрятности был на голову выше всех.

– Ну!.. – Котов посмотрел на часы и надвинул на голову коммуникатор. – Ждем время «Ч». – Капитан постучал по микрофону возле уголка рта.

Зимин послушно надел свой коммуникатор и под взглядом командира стал очень серьезным.

– Всем, я Барс! – сказал Котов в микрофон. – Доложить!

– Это Седой, – отозвался эфир голосом заместителя Котова старшего лейтенанта Сашки Белова. – На исходной.

– Это Штык. Мы на исходной.

– Это Барс! Ждем три залпа артиллерии по укреплениям на въезде. Потом я команду. План прежний. Вопросы есть, пока не стало шумно?

– Седой готов.

– Штык готов.

– Ждите сигнала.

Котов опять подумал о своих ребятах. Теперь все они бы-

валы бойцы. Четверо новичков, которые раньше не участвовали в боевых операциях, за два месяца набрались такого опыта, что любого паркетного шелкопера, который призывал на показательных выступлениях перед генералами, за пояс заткнут.

Кроме Зимина офицеров в группе двое. Сашка Белов – крепкий мужик, твердый командир, немногословен, спокоен. Котов всегда оставлял его за себя, если возникала необходимость покинуть группу.

А вот Андрей Брянцев, который сейчас командовал второй атакующей группой, – это вообще отдельная песня. Этот ас рукопашного боя, которого оставляли в учебном центре инструктором, всегда рвался на живую боевую работу. Он был старшим лейтенантом, но потерял одну звездочку.

У него дивная жена, настоящая красавица. Весь гарнизон ему завидовал. Один полковник из приезжих, молодой и наглый, во время танцев в Доме офицеров распустил шаловливые ручонки, полез к жене Брянцева куда не следует. Ленка в долгу не осталась. Как только полковник начал приставать, она врезала ему коленочкой между ног. Андрей, естественно, тут же подбежал и очень квалифицированно съездил донжуану по морде. Один раз. Больше не понадобилось.

Далеко слева задрожало небо, струящееся от жары, и почти сразу донесся гул орудийных выстрелов. С шелестом пронеслись над головой снаряды. На шоссе, среди каменных стенок, бетонных блоков, составленных в ряд, и мешков с

землей, взметнулись взрывы. Снаряды вдрызг разнесли одну баррикаду. Высоко вверх взлетела какая-то нелепо растопырившаяся деревянная конструкция. Загорелась сухая трава на обочине.

Котов с уважением смотрел на работу сирийских артиллеристов. Они точно накрыли цель с первого же залпа.

Снова гул за спиной. Опять прошелестели в воздухе снаряды. Из укреплений на дороге бежали люди с оружием. Они пригибались, закрывали головы руками, кого-то тащили под руки. Второй залп оказался не столь эффективным. Почти все снаряды упали на пустом месте, не повредили укреплений. Но Котов хорошо видел, что боевики спешно покидали свои позиции.

Капитан сунул бинокль в карман жилета-разгрузки, снял с шеи автомат, оглянулся на Зимина. Лейтенант поднял сжатый кулак и стукнул им в кулак командира – пожелание удачи, принятое в группе.

Котов перепрыгнул за стену и побежал через развалины, скрываясь за разрушенными домами от глаз возможных наблюдателей. Сейчас пройдет третий залп, потом сигнал. За ним атака сирийского батальона, и группа бросится вперед. Времени у командира осталось мало, только-только добежать до своих.

В воздухе над головой зашелестело, и Котов мгновенно упал между двух бетонных фундаментных блоков. Он находился на таком расстоянии от места падения снарядов, вы-

пущенных сирийцами, что должен был опасаться разрывов. Земля под капитаном подпрыгнула, в нос ударила пыль.

Отплевываясь, он вскочил на ноги и снова ринулся вперед. Бойцы повернули головы к капитану. Они приготовили оружие и пристально посматривали по сторонам. Солдаты в любой момент готовы были прикрыть командира, если по нему вдруг откроют огонь.

Длинная очередь трассирующих пуль веером прошла слева и уперлась в каменное здание. Буквально через несколько секунд по всему фронту загрохотала отчаянная стрельба. Котов на бегу поднял руку и показал «вперед».

Интенсивность огня впереди нарастала с каждой секундой. Ухали взрывы, почти без перерыва долбили несколько крупнокалиберных пулеметов, автоматные очереди сливались в один сплошной завывающий гул.

Котов мысленно похвалил сирийцев, обрушивших на боевиков такой шквал огня. От союзников и не требовалось сейчас активных маневренных действий, атаки в лоб, интенсивного уничтожения живой силы противника. Их задача состояла в том, чтобы ошеломить исламистов, напугать их, заставить бросить все наличные силы на отражение атаки правительственных сил, отвечать не менее бешеным огнем. В итоге сирийцы должны были отвлечь внимание врага от действий российского спецназа.

Бойцы один за другим покидали свои укрытия. Котов привычно посмотрел на часы. Он отлично чувствовал время

и без них, но все равно считал необходимым контролировать себя.

Тридцать секунд на выход из убежищ. Через минуту его бойцы уже должны двигаться вперед. Если они наткнутся на ожесточенный огонь, значит, он, командир, допустил непростительный просчет. Надо оперативно, немедленно менять план. Задание под угрозой срыва.

Котов снял с плеча автомат, натянул ремень на локоть для упора, глянул влево, где действовала группа Белова, и обомлел. Седой почему-то повел своих бойцов не дворами, а прямо по улице, ведущей чуть левее здания больницы. Группа шла очень быстро. Бойцы поводили стволами автоматов по сторонам, готовы были поразить любую цель, появившуюся перед ними. Они прижимались к правой стороне улицы. Пока еще их было не видно даже со второго этажа больницы.

Котов ругнулся, но тут же мысленно похвалил своего заместителя.

«А ведь прав Сашка! – решил капитан. – У нас всегда цейтнот. Нехватка времени чаще всего и есть наш самый страшный враг. А Белов сейчас за несколько минут преодолеет расстояние до больницы и будет готов к решительному броску. Противник его ведь точно не увидит. Сам я никак не мог спланировать такого вот хода. Для этого нужно было находиться именно на позиции атаки. Сашка увидел, оценил и принял решение. Он взял на себя ответственность, потому что ему даже по коммуникатору некогда было советоваться

со мной и спрашивать разрешения».

– Седой, я Барс! – сказал в микрофон Котов. – Хорошо идешь, одобряю.

– Спасибо, папочка! – ответил сухой бесстрастный голос Белова.

Ба! Седой юморит? Вот и хорошо. Значит, настрой есть, азарт боя уже погнал в кровь адреналин.

А вот Брянцев с большей частью группы отставал от графика. Ему отводилось четыре минуты на преодоление дворов через стены, двери, крыши, калитки и ворота. Капитан сразу прикидывал, что маршрут группы Брянцева будет напоминать тропу разведчика, оборудованную в учебном центре. По расчетам командира, именно группа Брянцева должна была принять на себя огонь боевиков из больницы, сковать их силы, отвлечь на себя.

– Штык, это Барс! Копаешься! Прибавь темп. Отстаешь на полторы минуты.

– Понял, Барс. Были проблемы. Наверстаю, – шумно дыша, выпалил Брянцев. – Нарвались на злых бородатых ребят, тихонечко побеседовали с ними. Порядок. У них минус пять. Впереди чисто.

– Дуй, Штык! Седой тебя опережает. Не успеешь его прикрыть.

– Понял.

Эти пятеро боевиков, видимо, были остатками боевого охранения со стороны дороги, которое накрыла сирийская

артиллерия. Молодец Штык, без лишнего шума убрал. В каждой группе было по две бесшумные снайперские винтовки «Винторез», очень подходящие как раз для таких вот случаев. Группам необходимо было как можно дольше не обнаруживать себя, не рисоваться.

Капитану хотелось броситься вслед за своими парнями, но в данном случае он не мог позволить себе такую роскошь и ввязаться в бой. Он командир. Ситуация неопределенная. Численности боевиков в поселке они не знают. В любой момент сирийский батальон может сплеховать, и группа российского спецназа окажется в огненных тисках. Котов должен оставаться здесь, наблюдать, корректировать действия подчиненных, вовремя сообщать им обо всех изменениях в обстановке.

Тут капитан увидел, как по стене больницы хлестнула очередь. Прямо по окнам второго этажа. Брызнули осколки облицовки, кирпича, полетели разбитые стекла.

Какого хрена?! Хотя ясно, что бой приближается к центру поселка. Сирийский батальон преуспел, жмет террористов. Пули стали бить в здание. Сейчас внутри начнется паника. Боевики станут выглядывать в окна.

Лейтенант Брянцев, кажется, тоже увидел, что пули стали попадать в здание. Он учел приказ командира поторопиться, правильно оценил ситуацию и принял верное решение.

Брянцев рассыпал своих бойцов по максимальной площади. Они в десять стволов открыли огонь по окнам. Перебеж-

ками, прикрываясь стенами и заборами, ребята стремились к больнице. Шуму от них было много. Создавалась видимость, что атакует большое подразделение. Грамотно!

Котов повел биноклем влево. Парни Белова шли уже медленнее, почти гусиным шагом, но умудрялись оставаться незамеченными. Если так пойдет и дальше, то они ворвутся в здание без выстрелов.

«Это даже не удача, а Сашкино мастерство, – подумал командир. – Давай, родной, жми, Седой, ты сумеешь! Через несколько минут здесь могут оказаться крупные отступающие силы боевиков. Тогда нам не удастся пробиться к зданию. Главное – оказаться внутри прямо сейчас, до того как кардинально изменится обстановка!»

Вдруг из окон второго этажа по группе Брянцева был открыт сильный огонь. Спецназовцы рассредоточились, заняли позиции за укрытиями и ответили короткими расчетливыми очередями. Котов успел заметить, как из одного окна свесился убитый боевик, в другом повис на ремне пулемет стволом вниз.

Бойцы обстреливали окна и короткими перебежками неумолимо приближались к стенам дома. Вот рвануло пламя в окне первого этажа, и кто-то бросил на асфальт пустую тубу «Шмеля». В окно, прямо в огонь, тут же метнулись два спецназовца.

«Здесь порядок», – решил Котов и перевел бинокль левее. Белова и его ребят от главного входа отделяло едва ли мет-

ров двадцать. Бойцы вдруг рассыпались по улице и, поливая огнем окна и двери входа, ринулись на штурм.

Котов собрался бежать к своим. Теперь там на счету каждый ствол, любой боец. Им предстоит не только захватить документы, но и уйти с ними из здания. Или выдержать осаду, не погибнуть до того, как сирийский батальон зачистит центр поселка.

Тут Котов вдруг увидел четверых боевиков, которые устранили миномет на огневую позицию. Еще чуть-чуть – и большая часть группы Брянцева будет накрыта огнем. Эта американская штукавина выдает два десятка выстрелов в минуту. Сейчас она нанесет такой урон, что мало не покажется. А Брянцев не видит опасности.

– Штык, это Барс! Всем в укрытие. По тебе вот-вот начнет работать миномет. В дом все!

– Твою мать!... – вежливо отозвался Брянцев и стал выкрикивать команды тем своим бойцам, которые еще оставались вне здания.

Судя по позывным, озвученным лейтенантом, под стенами больницы оставались еще шестеро или семеро бойцов, связанных перестрелкой.

«Хоть прицел им собою», – подумал Котов, стиснул зубы, поднял автомат и прицелился по минометчикам.

Один из них выхватил мину из ящика, поднесенного напарником, вдруг ткнулся головой в стену и повалился на землю. Котов все понял и не нажал на спусковой крючок, чтобы

не мешать работе снайпера. Второй боевик подхватил мину из рук убитого товарища, вдруг выгнулся назад, упал и замер без движения. Наводчик закрутил головой и тут же дернулся всем телом. Стена за его головой окрасилась кровью. Четвертый бородач заметался, бросился назад в укрытие, но и его нашла пуля.

– Зима! – рявкнул в микрофон Котов. – Что за хрень там у тебя?

– Сирийские снайперы работают. Только подошли. Я корректирую, нахожусь рядом с ними.

– Хорошо. Пусть они прикрывают все подходы к больнице. Мы почти внутри. Я к ребятам, а ты не проморгай бандерлогов с какой-нибудь большой железной дурой. По окнам не бейте. Там уже могут быть наши!

Котов перевалился через край разрушенной стены и со всех ног бросился к больнице.

«Справа Брянцев держит не только фасад, но и прилегающую территорию, – думал капитан, на бегу успевая оценивать возможность неожиданного обстрела из окон брошенных домов, нападения из-за заборов. – С этой стороны снайперы простреливают весь фасад и подходы. Черт, меня бы кто из них по дурусти не подстрелил! Зимину задницу надеру! Давайте, парни, я через минуту буду».

А в здании от грохота выстрелов сыпалась с потолка штукатурка, закладывало уши и не слышно было голоса человека, стоявшего рядом. Пол под ногами ходил ходуном.

Белов прижался к стене спиной и мягко перебирал ногами. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он успевал фиксировать взглядом и зону выше себя, и оконный проем слева. Одну гранату им сверху уже сбросили, но Сова успел пнуть ее ногой. Она улетела куда-то под лестницу и рванула там. Поднялось облако пыли и вонючего дыма. Спецназовцы прижались к ступеням, откашливались и отплевывались. Несколько очередей, пущенных вверх, заставили самых ретивых боевиков уйти подальше.

Со второго этажа ударила автоматная очередь, но явно не прицельная. Пули угодили в стену. Спецназовцев осыпали осколки кирпича, окутало новое облако пыли.

Белов ругнулся, сделал знак бойцу, шедшему следом, и нажал на спусковой крючок. Магазин на тридцать патронов вмиг опустел, но старший лейтенант успел преодолеть весь лестничный пролет. Пули, выпущенные им, в щепки разнесли дверь, ведущую на второй этаж.

Теперь ее поливал очередями напарник Белова. Тот сменил магазин, вогнал патрон в патронник и вытащил из кармашка гранату.

В это время Макс Ларкин работал один, сам по себе. В свое время он прошел уникальный курс по скоротечному огневому бою. Этот парень умел из одного пистолета поразить за семь секунд десять мишеней, не просто стоявших перед ним, а разнесенных в разных плоскостях в трехмерном про-

странстве. При этом парень не знал заранее их расположение, не мог сказать, сколько целей окажется вокруг него, под потолком и даже на нем.

Сейчас Макс с двумя пистолетами в кобурах, закрепленных на бедрах, и парой десантных ножей на груди лез по канату лифта, предназначенного для лежащих больных. Городок пустовал давно. Еще с прошлого года, когда здесь шли бои. В больнице почти не осталось мебели, крыша кое-где была пробита снарядами, в нескольких местах виднелись следы пожара. В здании не было электричества, поэтому Максим не боялся, что лифт вдруг заработает.

Беда будет, если кто-то услышит его и бросит сюда гранату или просто пустит автоматную очередь. В таком положении, висая на тросе, хрен редьки не слаще, как говорили у него на родине. Хотя в здании стоял такой грохот от беспорядочной стрельбы и взрывов гранат, что скрип тросов, конечно, никто не различит.

Ларкин наконец-то выбрался из лифтовой шахты и осмотрелся. Он находился в тесной будке над вторым этажом, где размещался подъемный механизм. Пыль, поднятая взрывами внизу, проникала и сюда.

Теперь парню нужно было найти какой-то люк или дверь, которые позволили бы ему попасть в какое-то помещение второго этажа, а там как дело пойдет. Бог не выдаст, свинья не съест!

– Штык, потери? – потребовал в микрофон Котов.

– Ноль, – отозвался лейтенант сквозь грохот выстрелов, слышных через его микрофон. – Их тут до хрена, Барс!

– Занимай весь первый этаж и держи его. Снаружи начали появляться бандерлоги. Не исключен штурм.

– Понял, командир! Заканчиваю зачистку.

– Седой, ответь Барсу, – позвал Котов.

– Я Седой! Барс, мы встали! Не пробиться. Их там человек двадцать.

– Время уходит, Седой!

– Барс, еще две минуты! Я тут кое-что предпринял. Жду результата.

Звуки боя от окраин сместились к центру поселка. Выстрелы раздавались все ближе и ближе. Правительственный батальон явно теснил боевиков. Медленно, но уверенно.

Котов уже подбегал к зданию больницы, когда уловил знакомый шум дизельного двигателя. Он доносился справа, со стороны фасада, откуда в здание прорвалась группа Брянцева.

– Штык, у тебя гости! – передал Котов и перевалился через очередной пролом в стене.

Сейчас от улицы, тянувшейся перед больницей, отделяли лишь остатки стен разрушенного жилого дома, торчавшие как черные корни сгнивших зубов. Капитан высунул голову в пролом и увидел, что прямо на него прет броневик, по очертаниям вроде турецкий. На броне, тесно прижавшись друг к

другу и вцепившись в поручни, сидели восемь боевиков. В чреве этого стального уродца могло поместиться еще столько же народу с оружием.

Думать оказалось некогда, надо было срочно помогать Брянцеву. Если сейчас по нему с другой стороны ударит еще одна группа противника, то он не удержится. Правда, неплохо работали сирийские снайперы, но если бандерлоги подгонят еще одну вот такую же бандуру, то надежно прикроют своих атакующих бойцов.

Котов выставил автомат поверх стены и дал длинную очередь по броне. Шестерых боевиков как ветром снесло на землю. Седьмой остался лежать на прежнем месте, восьмой медленно сползал вниз и наконец-то упал на камни.

Ствол, торчавший из башенки броневика, чуть наклонился и прошелся по развалинам.

Котов очень даже нецензурно выругался, мгновенно пригнулся и в длинном прыжке бросил тело в сторону. Через миг он оказался за соседней стеной.

Малкалиберная пушка броневика выплюнула снаряд. Земля вокруг подпрыгнула, все заволокло пылью, посыпался кирпич. Капитан вжался в каменное крошево и закрыл голову руками.

После второго удара уши Котова заложило, на какое-то время он перестал различать отдельные звуки. Все слилось в сплошной гул и вой. Капитан вскочил на колени, постучал ладонями по ушам, потряс головой и глянул в щель в стене.

Броневи́к стоял на месте. Из верхнего люка, расположенного на пушечной башенке, появилась голова боевика. Он тут же высунулся по плечи и развернул станковый пулемет со щитком. В следующую секунду длинные очереди стали разносить оконные проемы в пыль и щебень.

Бандиты, рассыпавшиеся вокруг, начали поливать автоматным огнем первый и второй этажи больницы и приближаться к ней. Двое боевиков бежали к развалинам, явно намереваясь убедиться в том, что стрелок, положивший двух их товарищей, был один и погиб.

«Ну-ну! Давайте, ребята. Рад буду таким дорогим гостям, – подумал Котов, аккуратно положил автомат на камни, вытащил нож из чехла на плече, взял его клинком вниз, прижал холодную сталь к предплечью. – Тут надо не стрелять, а работать тихо, аккуратно. Если боевики разойдутся далеко друг от друга, то я уложу пульей только одного. Второй заляжет в камнях, и начнется у нас долгая бестолковая перестрелка, пока я не кину гранату. И то не факт, что она будет эффективна в таких вот развалинах. Закатится в ямку, и толку от нее не окажется, один пшик. А тут еще и времени нет валандаться с вами».

Боевики, громко перекликаясь, перепрыгивали через каменные завалы. Прозвучала короткая очередь, вторая грохнула чуть ближе.

«Ага, побаиваются, стреляют по всем опасным местам, где я мог спрятаться. Быстрее, уроды! Штык долго не про-

держится! Мне еще ему помогать, потом оборону налаживать, если Седой наверху справился. Ничего, он выдержит. Мне бы здесь побыстрее разобраться». – Такие вот мысли мелькали в голове капитана.

Сработала привычка оценивать ситуацию в комплексе, отвлекать себя от мыслей о смертельной опасности, угрожающей каждую секунду, о том, что ему придется сейчас ножом убить этих двоих, а потом стрелять и стрелять, оставлять вокруг себя только трупы.

«Ничего, это просто такая работа! Для настоящих мужиков. – После такой вот мудрой мысли Котов мазнул потной ладонью по лицу и вытер ее о штаны. – Хорошо, что Зима не видит. Он-то никогда не ведет себя так вульгарно».

Это соображение развеселило капитана. Азарт боя уже овладел им настолько, что адреналин выплескивался в организм, добавлял сил, решительности, делал работу мозга четче, яснее, ярче.

«Ну, уроды, сюрприз! Упс!»

Сидя на одном колене и прижавшись плечом к стене, Котов увидел ногу боевика в американском ботинке. Последовал мощный толчок. После прыжка плечо капитана оказалось под стволом автомата противника, отбило его вверх. Левая рука схватила немолодого бородача за лямку разгрузки, а нож уперся ему в живот ниже пупка.

Рывок на себя с падением на спину, и в воздухе мелькнули американские ботинки. Нож вошел в тело легко, с пово-

ротом. Котов перевернулся, подмял противника под себя и зажал ему рот, не давая заорать от боли.

Он выдернул нож, не обращая внимания на грязные руки раненого бандита, цеплявшиеся за него, приложил острие между замками разгрузки на уровне сердца и навалился всем телом. Бородач беззвучно дернулся и обмяк.

Котов сел на корточки, прислушался к призывным возгласам напарника убитого боевика и машинально стал вытирать окровавленное лезвие рукавом его куртки. Он решил не усложнять себе жизнь, сунул нож в чехол, привычно накиннул на локоть ремень автомата, поднял ствол.

Ага, вот и шаги.

Котов прижался спиной к стене и выждал несколько секунд, убеждаясь в том, что его второй противник не стоит на месте, а двигается. Значит, сейчас он уязвим.

Разворот, и широкий шаг в проем между стенами. Через секунду короткая очередь порвала в клочья одежду на груди боевика. Тот выронил автомат и упал как подкошенный. Его ноги в предсмертной судороге разбрасывали мелкие камни.

Стрельба усилилась. Боевики, лишённые поддержки пулемета, не спешили выскакивать из-за корпуса броневика и атаковать здание под шквальным огнём российских спецназовцев. Видимо, они запрашивали подкрепление или ожидали какого-то решения своих командиров.

«Я вам сейчас на все запросы отвечу!» – подумал Котов, вытащил из кармашка жилета боевика гранату и возвратился

к первому.

У этого гранат не оказалось. Пришлось приготовить две свои.

Капитан присел у пролома, положил три гранаты перед собой и вызвал Брянцева:

– Штык, это Барс. Я рядом. Это я заткнул пулемет. Временно. Тут против тебя чуть больше десятка нехороших парней. Увидишь взрывы гранат, прекращай огонь. Работать буду я. Крикну «окно», значит, прикрываешь огнем, а я прорываюсь к тебе на первый этаж. Понял?

– Понял, Барс! Ждем гранат. – Тут послышался приказ лейтенанта своим бойцам: – Парни! Командир под окнами. После взрывов гранат всем стоп!

Котов выдернул чеку из одной гранаты, положил ее на землю и прижал носком ботинка предохранительную скобу. Потом он взял в руки еще две и стволом автомата вырвал у них кольца. Они взлетели в воздух почти одновременно, следом тут же отправилась и третья.

Боевики жались к бронемашине очень кучно. Поэтому три гранаты, поражавшие живую силу в пределах шестидесяти метров, буквально смели людей. Окрестности наполнились отчаянными воплями.

Не дожидаясь, пока рассеется дым и пыль, Котов выхватил из кармана разгрузки последнюю гранату и бросился вперед. Через две секунды он оказался возле броневика, среди мертвых, раненых и контуженых. Вскочив на броню, ка-

питан вырвал чеку и бросил гранату в открытый люк.

«Один, два... — мысленно начал он отсчет и двумя короткими очередями добил тех боевиков, которые казались ему еще более или менее боеспособными. — Три, четыре. — Котов скатился с борта и упал метрах в пяти от броневика, твердя про себя: — Только бы не детонировали снаряды в боекомплекте! Лишь бы не рвануло! Блин, меня же по асфальту размажет!»

Броневик качнулся от гулкового взрыва внутри. Из верхнего люка и откуда-то из-под днища потянуло сизым дымком. По бронешитку пулемета на башне стекала кровь.

Котов вскочил на ноги и крикнул в микрофон:

— Штык, окно!

Капитан дал еще две очереди по оглушенным боевикам, которые пытались подняться на ноги, и подбежал к окну первого этажа. Он бросил туда автомат, ухватился за руки, протянутые ему, и одним рывком забросил тело в проем.

— Вокруг чисто, — заявил командир, по-кошачьи упруго вскочив на ноги. — Что у тебя на первом этаже, Андрей?

— Заканчиваем. В конце коридора рентгеновский кабинет. Там стены с металлическими прокладками, но парни сейчас зачистят. Улицы под контролем вкруговую.

— Ладно, рули тут, держи этаж, а я наверх, к Борьке!

Там еще ничего не закончилось. Все боевики, оставшиеся в живых, сгрудились возле двух лестниц и готовы были отражать атаки. Обе стороны, почти не переставая, вели пере-

стрелку. Спецназовцы изображали, что вот-вот атакуют, боевики пытались сорвать их предполагаемые действия и заметно нервничали.

Ситуацию командиру доложил Макс Ларкин, добравшийся до вентиляционного канала. Обзор у него был хороший, и он ждал команды.

– Лимон, это Седой! Опиши картинку. Как они стоят?

– Девять у восточной лестницы, пять у западной. Двое в центре у компьютеров. Эти, сдаётся мне, просто переводчики. Руки у них свободные. Не покалечить бы.

– Лимон, ты внутрь можешь попасть?

– Две секунды, командир. Я ближе к восточной лестнице.

– Тогда замри и жди. Сейчас Сова и Боб отвлекут их через окно. Они атакуют западную часть комнаты. Обойдемся без гранат. Там компьютеры. Могут пригодиться. Как только парни начнут через окно, спускайся и по полной программе отвлекай восточную группу на себя. Мы атакуем снизу, с обеих лестниц. Готовность две минуты!

– Понял, Седой! Я готов. – Ларкин медленно протянул руки вдоль тела, стараясь, чтобы не зашумело тонкое железо вентиляционного канала.

Он вытащил оба пистолета, снял их с предохранителей, приготовился выбивать решетку и вываливаться вниз следом за ней. Парень слышал переговоры командира с бойцами и напрягся.

Через две минуты лучший дружок и тезка Ларкина Мак-

сим Савичев и снайпер старший сержант Боря Крякин уже висели на веревках на уровне окон второго этажа. Они доложили о готовности и ждали. Внутри стрельба шла почти непрерывно.

– Всем, я Седой! Скалолазы, пошли! – прозвучало в коммуникаторах.

Савичев оттолкнулся ногами и отпустил отмеренную часть веревки. Он едва не задел подоконник, влетел в комнату и тут же отстегнул карабин. Максим упал и покатился по полу, стараясь оказаться подальше от окна, чтобы не мешать напарнику.

Крякин качнулся на своей веревке, поставил ногу на подоконник и разрядил весь магазин в группу боевиков возле лестницы и уложил троих из них. Борис тут же отпустил пустой автомат и схватил второй, висевший на его шее.

Савичев, не поднимаясь с пола, застрелил двух боевиков и откатился к столам с компьютерами.

– Чисто, – крикнул он в коммуникатор.

С лестницы в помещение ворвались двое спецназовцев и бросились к переводчикам и компьютерам.

Бандиты у восточной лестницы не успели понять, откуда стреляли, как с грохотом вылетела решетка из вентиляционного канала. На пол, перевернувшись в воздухе, спрыгнул спецназовец. Все девять боевиков не могли отвлечься на него. Один человек без автомата не казался им большой угрозой. Важнее была опасность, надвигавшаяся с другой

лестницы. Пятеро их товарищей были уже убиты, а в зал неизвестно откуда стали проникать русские.

Два автомата, направленные на Ларкина, дали по одной очереди едва ли не в упор, но все пули почему-то ушли в противоположную стену. К огромному изумлению боевиков, человек с двумя пистолетами с неимоверной скоростью метнулся в сторону, тут же резко бросился на пол и произвел четыре выстрела. Двое боевиков упали, один отшатнулся к стене, зажимая простреленное плечо.

Почти одновременно с действиями Ларкина заговорил автомат Савичева, лежавшего на полу в центре зала и прикрывающегося столами. Он старался не задеть своего друга, стрелял чуть правее. Один из боевиков упал, второй, осыпанный осколками кирпича, закрыл голову руками и отбежал в сторону.

В окне снова появился Боря Крякин. Теперь уже он направил оружие в сторону восточной лестницы. Еще один боевик упал на спину и беспомощно раскинул руки, второй рухнул на бок, держась за ногу, простреленную в двух местах.

Остатки двери уже выбил Белов, ворвавшийся с другим бойцом со стороны лестницы. Простучали еще несколько очередей, и все было кончено.

Глава 2

Лейтенанта Зимина привез на место драматических событий не кто-нибудь, а сам командир сирийского батальона. Морщась и поглаживая забинтованную руку, висевшую на перевязи, он смотрел, как русские спецназовцы стаскивали в центр зала убитых боевиков и укладывали их рядами. Бойцы обыскивали тела, сортировали находки по степени важности. Документы и памятные вещи, которые могли бы подтвердить национальную принадлежность того или иного бандита, его местожительство до вхождения в состав вооруженных формирований, они складывали на большой стол, предварительно убрав оттуда компьютеры.

Всего сириец насчитал в помещении сорок два тела. К его немалому изумлению, потерь у русских не было. Только один молодой стройный парень вытянул руку, а второй полил небольшую царапину на ней какой-то обеззараживающей жидкостью и заклеил ее пластырем. Он что-то втолковывал раненому и для пущей убедительности периодически стучал его в лоб костяшками пальцев. Страдалец скалил зубы и что-то отвечал с небрежными интонациями в голосе.

– Зимин, займись делом! – Котов показал рукой на пленных переводчиков, лежащих на полу. – Кто, откуда, зачем? Короче, сам все знаешь. И тут же мне пересказывай.

Лейтенант подошел к переводчикам и вдруг замер. Он

недоуменно посмотрел вниз, потом на командира, на других бойцов.

– Товарищ капитан, так один того... мертвый.

– Что? – Котов оторвался от осмотра вещей убитых бандитов и взглянул на переводчика. – Ну да. Извини, Зима, одного не уберегли. Шальная пуля. Ты второго начинай трясти, пока он тепленький.

Зимин похлопал пленного по плечу и велел подняться. Молодой смуглый парень напряженно смотрел на трупы боевиков, на веселых русских спецназовцев, деловито осматривающих тела, собиравших в дальний угол зала все трофейное оружие. Потом он взглянул на своего товарища, лежавшего лицом вниз, на его голову, развороченную пулей, волосы, спекшиеся от крови.

– Как тебя зовут? – спросил Зимин на сирийском диалекте арабского языка.

Пленный молчал и по-прежнему глядел стеклянными глазами на тела боевиков.

– Откуда ты сюда прибыл? Что вы здесь переводили с английского? Документацию?

Пленный продолжал молчать и никак не реагировал на вопросы. Несколько спецназовцев стояли, положив руки на автоматы, висевшие у них на шеях, и с интересом посматривали на Зимина и пленника.

Переводчик решил припугнуть своего коллегу, которого допрашивал, и сказал строгим голосом:

– Если хочешь жить, то отвечай, иначе я сам тебя расстреляю как пособника террористов.

На лице пленника не промелькнуло даже тени страха или иной эмоциональной реакции. Зимин нахмурился и посмотрел на спецназовцев, откровенно веселящихся, готовых уже начать ржать над этим бесплатным спектаклем. Он вдруг стиснул зубы, рывком вырвал из кобуры пистолет и передернул затвор. Потом лейтенант схватил бедолагу за волосы, рывком поставил его на колени и уткнул ствол ему в основание черепа.

– Отвечать, собака! – заорал Зимин и дважды выстрелил возле уха пленника, стараясь, чтобы пули попали в пол рядом с его коленями.

Тот вскрикнул, упал на бок и забился в истерике. Зимин придавил его грудь ногой и сунул под нос горячий ствол пистолета, пахнувший сгоревшим порохом.

– Молись! – крикнул он. – Или третья пуля тебе.

– Я скажу! – прокричал пленник. – Не убивайте меня! Я не террорист, не фанатик! Я только переводчик с английского языка. Меня наняли, обещали деньги. Не стреляйте! Прошу вас. – Бедняга закрыл лицо руками, лежал на полу, сотрясаясь от рыданий, и шептал: – Не убивайте. Я все скажу.

Зимин, ни на кого не глядя, выпрямился, неторопливо поставил пистолет на предохранитель и стал заталкивать его в кобуру. Несколько спецназовцев огласили воздух притворно восторженным воем и захлопали в ладоши. Лейтенант ста-

рательно делал вид, будто не понимает, на что именно вдруг так бурно отреагировали ребята.

– Слушайте, пацаны, – громко произнес один из контрактников. – Вы, конечно, как хотите, но я с лейтенантом в одном помещении теперь ночевать боюсь. Это же лютый зверь, а не человек.

Зал снова взорвался довольным хохотом. Котов строго глянул на бойцов. Они, пряча улыбки, разошлись и снова занялись делом. При этом в глазах капитана тоже играли смешливые чертики.

Котов кивнул Белову, мол, продолжай заниматься документами, подошел к пленнику и опустился на край стола. Спецназовцы подняли парня с пола и усадили на стул.

– Меня зовут Зури, – с дрожью во всем теле проговорил сириец и вытер ладонью рот. – Мне обещали хорошо заплатить. Нам обоим. Мы никого не убивали, просто переводили документацию, которую сюда привозили, и распечатывали ее. Набирали на компьютерах и делали то количество копий, которое нам велели. Я расскажу, какое оружие доставляли в Сирию. Оно американского производства. Я даже видел их представителей. А еще Турция поставляет сюда оружие. Я знаю, сколько и какое именно.

– Скажи ему вот что, Олег, – выслушав перевод, проговорил Котов. – В документации, которая здесь лежит, мы и без него разберемся. Пусть расскажет что-то и в самом деле важное. Здесь бывали командиры боевиков очень высокого

ранга. Они вполне могли обсуждать между собой военные дела. Что он слышал про их планы, к чему они готовятся?

– Здесь никогда не бывало больших командиров, – с обреченным унынием ответил пленник, переводя глаза с Зимина на Котова и обратно. – Нам доставляли документацию и уносили готовую, переведенную, простые посыльные. Мы почти ни с кем не общались.

– Скажи ему, что тогда он нам просто не нужен. Его жизнь не имеет никакой ценности, – распорядился Котов намеренно суровым тоном.

– Я кое-что знаю! – выкрикнул пленник, который снова стал вытаращивать от страха глаза. – Вот я еще что слышал от рядовых террористов. Они рассказывали, что чуть севернее есть деревня Сурум. Там готовится какая-то операция.

– Рядовые террористы так хорошо осведомлены? – с ухмылкой спросил Котов. – Каждый боевик знает о планах своих и чужих командиров?

– Нет, не так. Верьте мне, я говорю правду. Они не знали, просто предполагали. Дело в том, что туда прибыл очень непростой человек, представитель какого-то штаба. Один из боевиков уже сталкивался с ним. Он говорит, что его все называют Железный Фарах. Когда он приезжает куда-то, это значит, что там обязательно готовится какой-то сюрприз, диверсия или иная операция против правительственных сил.

– Ладно, – медленно произнес Котов, рассматривая пленника. – Поживи пока. Мы еще обсудим с тобой кое-что.

Спецназовцы покидали здание больницы, выносили оттуда коробки с документацией на английском языке. Три пикапа группы, которые два месяца назад были совсем новенькими, теперь выглядели весьма потрепанными. Вмятины, пулевые и осколочные пробоины, ободранная краска, глубокие царапины. Эти крепкие машины побывали не в одной крутой переделке.

Котов ждал, пока бойцы погрузят трофеи, смотрел, как на площади у автоцистерны, подогнанной туда, умывались девушки в военной форме. Они были совсем молоденькие. Смуглые, гибкие, кареглазые девчонки столпились возле машины, терли руки и шеи, плескали воду на лица.

– Связистки какие-нибудь? – спросил Котов у Зимина, кивнув на девушек.

– Это снайперы, – с улыбкой ответил переводчик. – Те самые, которые для вас минометчиков положили. Они сегодня еще десятка два террористов убили. Пулеметные расчеты, гранатометчики, командиры. Я слышал доклад.

– Ты серьезно? – опешил Котов. – Я думал, там настоящие вояки, крутые мужики, а это!.. Они же совсем еще девочки!

– Вы знаете, Борис Андреевич, как к ним тут относятся солдаты? Считают их сестренками, дочками. Они здесь всего полгода. Все из этой провинции, добровольно пришли сражаться. Многие и правда вчерашние школьницы. Большинству по восемнадцать – двадцать лет. У них тут такой всплеск патриотизма в последнее время. Особенно после то-

го, как они узнали, что Россия им теперь помогает. У них наш президент занимает второе место по популярности после своего Асада. Вы бы видели плакаты! А вон ту рыженькую видите? Это их командир, зовут Мариам.

– Пошли, познакомишь, – вдруг заявил Котов и хлопнул переводчика по плечу.

– Правда? – удивился Зимин. – Пойдемте. А знаете, она здорово болтает по-русски. У них тут, в Сирии, многие знают наш язык. Я даже сначала удивился. Люди постарше еще помнят наши стройки тут. Они общались с нашими рабочими. Кто-то учился в России. Я слышал, что теперь в некоторых здешних школах стали преподавать русский язык, не по программе, конечно, а факультативно, по просьбе родителей и, главное, детей. Мариам! – позвал Зимин. – С тобой хочет познакомиться наш командир, капитан Котов.

Девушка обернулась и посмотрела на русских. В ее глазах промелькнуло удивление, потом появилось что-то лукавое, даже коварное. Она застегнула воротник куртки и посмотрела на русского командира открыто, с явным интересом.

– Котов? – спросила Мариам мелодичным, немного низковатым голосом с еле уловимым акцентом. – Это кот? Кошка, да? У такого воина такая фамилия?

– Прозвище у него Барс... – вставил Зимин и хотел еще что-то добавить, но капитан тут же наступил ему на ногу, и переводчик замолчал.

– Мариам! – Котов протянул девушке руку. – Я хотел по-

благодарить вас за помощь как солдат солдата. Вы с вашими подругами сегодня спасли жизнь кому-то из моих бойцов.

— Как солдат солдата? — В глазах девушки вдруг появилась самая настоящая гордость.

Она протянула капитану тоненькую руку с длинными пальчиками и сказала:

— Я рада, что меня назвал солдатом, счел равным себе такой храбрый командир, как вы. Мы все ценим то, что вы делаете для нашей страны, и хотим быть вам благодарны. Если нам придется умереть за вас, то мы сделаем это без колебаний, так же, как за свою страну.

Котов улыбнулся, опустил руку, а потом неожиданно вытянулся и поднес ее к козырьку, отдавая девушке честь. Мариам вспыхнула, в ее глазах мелькнул совершенно мальчишеский восторг. Она поспешно вытащила из кармана форменный берет, быстро надела его и отдала честь русскому офицеру.

Спецназовцы замерли у машин, наблюдая эту картину. У цистерны с водой замерли сирийские девушки, глядя на свою Мариам и русского офицера, настоящего красавца и храбреца.

Военный аэродром Хмеймим, район г. Латакия. Авиабаза российских воздушно-космических сил

Котов сидел в штабном модуле у самой стены, старательно тарасил глаза по сторонам и тер веки, борясь со сном. Еще

не хватало отключиться во время совещания, которое проводили его непосредственный начальник полковник Сидорин и заместитель командира российской авиагруппы в Сирии подполковник Барцев. На мероприятии присутствовали несколько офицеров штаба авиагруппы и еще два командира групп спецназа.

Барцев рассказывал о результатах авиаударов, нанесенных по противнику за последние дни. Он доводил до офицеров сведения, полученные с помощью визуального наблюдения летчиков, с беспилотников и спутников.

В основном дело касалось колонн автоцистерн, движущихся к турецкой границе. Речь шла о штабах, пунктах управления боевиков, складах и тому подобном. Информация важная, удары эффективные.

Но вот полковник Сидорин, как казалось Котову, не разделял энтузиазма летчика. Капитан вполне понимал своего шефа. Да, противнику наносится огромный урон. Воздушная поддержка наступательных операций правительственных сил дает очень даже неплохие результаты. Но все эти потери боевики вполне могут перетерпеть и восполнить.

– Что скажет военная разведка? – спросил вдруг Барцев, и Котов понял, что пропустил часть доклада.

У него отчаянно закрывались глаза.

– Военная разведка скажет, что получает весьма любопытные и верные сведения, – постукивая пальцами по столу, ответил полковник Сидорин. – Благодаря вашим эффектив-

ным ударам так называемая умеренная оппозиция все охотнее идет на сотрудничество. В последнее время она довольно плотно контактирует с нами. С этим все понятно. Никому не хочется попасть под удары нового российского высокоточного оружия. — Сидорин поднял глаза на Барцева, улыбнулся одними уголками рта, потом поднялся, подошел к карте, висевшей на стене, встал рядом с ней и продолжил: — Вы прекрасно знаете, что колонны идут вот этими маршрутами. — Он чиркнул по карте обратной стороной карандаша. — Вы очень результативно бомбите заводы, нефтехранилища, конвои. Но вскоре наши противники поменяют тактику, и мы будем думать, как их достать. Это игра на их поле, а нам надо работать на опережение. Да, урон немалый. Мы знаем, что полевые командиры сплошь и рядом отказываются выполнять приказы своих главарей, растет число дезертиров в рядах боевиков, им все чаще не платят. По крайней мере, в установленные сроки. Потери у них быстро увеличиваются, недовольство тоже растет.

— Не это ли главное? — осведомился подполковник.

— Главное? — Сидорин посмотрел на Барцева и согласно кивнул: — Да, конечно. Но только у меня в последнее время создается впечатление, что мы пытаемся вычерпать море. Воды льем вроде бы много, а меньше ее никак не становится. Нужно выводить авиацию на сирийско-турецкую границу, надежно перекрывать ее, сжигать не сотни, а тысячи машин, идущих в конвоях. А это уже компетенция руковод-

ства страны. Нужно договариваться с коалицией западных стран, с властями, сидящими в Стамбуле, черт бы их побрал. Вот что важнее всего. Турецкая сторона здесь границу не контролирует. Эрдоган не хочет закрывать кордон наглухо со своей стороны, и это понятно. Нефть – это бизнес его семейного клана. В Турции лечатся раненые боевики. Оттуда в Сирию идет поток оружия и боеприпасов в ответ на поставки нефти. Через Турцию в ряды боевиков вливается поток рекрутов и даже обученных бойцов. Да-да, подготовка боевиков происходит в том числе и на территории Турции.

– Хорошо, давайте продумаем наши предложения, – согласился Барцев. – Будем оперативно разрабатывать и менять тактику в соответствии с обстановкой. Наше командование готовит приказ на ночные полеты, а также на использование стратегической авиации. Товарищи офицеры, есть у кого-нибудь вопросы, предложения? Если нет, тогда на сегодня заканчиваем.

Командиры групп поднялись, проводили взглядами представителей авиации, потом посмотрели на Сидорина.

– Все, ребята, отправляйтесь отсыпаться, – сказал полковник. – Утром устроим большой разбор ситуации. У капитана Котова есть интересные сведения. Обсудим, покумекаем.

– Мы в курсе, Барс нас просветил, – сказал майор Стрельников.

– Мы свои соображения доложим, – поддакнул капитан Белобородов.

– Все, свободны до двадцати ноль-ноль, – заявил Сидорин.

Офицеры вышли, но Котов задержался в дверях, потом вернулся к столу, где сидел Сидорин, глядя на карту.

– Что?.. – не поворачивая головы, спросил полковник.

– Михаил Николаевич, а ведь мы рискнем. Сейчас у нас есть реальный шанс ухватить ценного представителя их штаба. Не зря этот Железный Фарах, о котором я вам рассказывал, ездит по подразделениям. Тут дело не в нем одном. Нам надо понять систему. Мы успешно бомбим их штабы, а должны бы знать оперативные планы боевиков. Нам до сих пор неизвестно, где и как ведется подготовка их бойцов здесь, в Сирии. А это как раз и есть часть системы. Мы не в курсе насчет каналов поставки оружия. Да, вчера я грохнул броневик турецкого производства. Но он, может, тут уже лет пять как стоял. Нам нужны доказательства помощи террористам со стороны не только Турции, хотя эта страна является членом НАТО. Надо найти факты, свидетельствующие о поддержке террористов со стороны США.

– И что?.. – каким-то безразличным, ленивым тоном спросил Сидорин, но Котов понял, что полковник слушал его очень внимательно.

Уж он-то знал своего шефа не один год.

– Сформулируй.

– Мы знаем, что все эти непримиримые оппозиционеры, с которыми воюем мы и правительственные войска, нужны

для одного только важного дела – охраны тех районов, где добывается нефть, и ее переправки. Наняли боссы из ИГИЛ этих бородачей, а дальше-то что? Охраняли промыслы и транспортировку, так нет же, мудрят что-то. Какие-то атаки совершают, нападают на подразделения правительственных войск. Терроризируют население захваченных районов так, что целые города пустеют. В бандах появляются темные личности, вроде как эмиссары каких-то штабов, а потом происходят различные неприятности. Зачем им захватывать всю Сирию, свергать Башара Асада? Чего ради все это надо американцам, я прекрасно понимаю, а этим вот бородачам?.. Им же вроде как важны нефтеносные районы и ничего больше. Вот через этого эмиссара и ему подобных личностей мы выйдем на этот штаб или сразу несколько и найдем американскую руку.

– В общем плане я с тобой согласен, а что ты хотел предложить конкретно?

– Нужно срочно атаковать этот Сурум.

– Думаешь, туда могла дойти информация о твоём вчерашнем бое? Этот Железный Фарах унесет ноги из поселка, если узнает о разгроме группы боевиков?

– Я думаю, что мы можем опоздать с атакой на Сурум. Если этот Фарах грамотный человек, то он понимает, что уже становится известен. Значит, его приезд в тот или иной район или город не останется тайной. Эмиссар может догадываться, что мы начнем охоту на него, поймем, что его приезд

связан с подготовкой какой-то гадости. Он не станет терять ни единого дня. Фарах наверняка знает, что здесь работает российский спецназ. Никто не может сказать, когда нам еще раз удастся засечь появление этого типа где бы то ни было.

– Ты знаешь, сколько их там, в этом Суруме?

– Лишь примерно.

– Ты хоть приблизительно можешь предположить, что будет являться целью атаки или диверсионного акта, разрабатываемого сейчас этим Фарахом?

– Нет.

– Так куда я тебя отправлю? Не пошлю ли я на верную смерть всю твою группу?

– Михаил Николаевич, я вас когда-нибудь подводил? – с улыбкой осведомился Котов.

– Ты не подлизывайся, – проворчал Сидорин. – Что, умник, уже и план небось составил?

– Так точно, – оживился Котов. – Я смотрел карту района, разговаривал с сирийцами. У меня хороший контакт с их военной разведкой, работающей здесь. Там есть вполне толковые ребята. По их сведениям, в Суруме около двухсот боевиков. Сирийцы говорят, что эти бандиты выглядят как вполне сформированная воинская часть и даже называют себя бригадой. Но активности они никакой не проявляют. В составе этой бригады якобы очень много местных жителей, уроженцев юго-восточных провинций. У сирийских разведчиков есть впечатление, что это в основном те, кто не хочет

работать, любит грабить и беспредельничать, да еще и получать за это деньги, а не добывать их честным путем.

– Банда бездельников? Сомнительно.

– Точно. Мне тоже не очень в это верится. Я подумал, что умные люди из ИГИЛ их там держат не зря. Да и количество наращивают постепенно. Они что-то готовят. Появился этот Фарах, значит, время пришло. Если эта так называемая бригада ударит из Сурума в юго-западном направлении, то перережет шоссе, основную стратегическую магистраль в этом районе. Бандиты могут перекрыть перевозки с севера в столицу. А это и продукты питания, и медикаменты. Очень важно понимать, что в таком случае будет нарушена связь с несколькими стратегическими портами.

– А если они сделают опорным пунктом какой-либо населенный пункт в районе шоссе, то наша авиация не сможет работать там. Выбивать их придется сирийским армейским частям. Снова затяжные бои, опять потери, а время идет, инфраструктура обескровливается.

– Вот-вот. А у сирийцев в тех местах всего один батальон новобранцев, да и тот неполного состава. Они полагают, что там спокойно, не держат в том районе серьезных сил, бронетехники, артиллерийских подразделений. Эти части нужнее в других местах. Наша авиация не может ударить по Суруму. Это населенный пункт, и нет никакой гарантии, что все мирные жители оттуда ушли.

– С какими силами ты собираешься разгромить эту самую

бригаду? У тебя семнадцать человек. Выдернуть тебе еще кого-то я прямо сейчас не могу. У меня много очень важных задач, выполнение которых на контроле в Генштабе. А операция войсковая, не чисто спецназовская.

– Товарищ полковник, я все-таки боевой офицер, учился военному делу. Я знаю, что такое тактика наступательного боя и штурм укрепленного населенного пункта, умею управлять пехотным подразделением в бою.

– Знаешь, конечно, – со вздохом проговорил полковник. Котов вдруг снова улыбнулся и добавил:

– А еще мне хорошо известно, что может натворить небольшая группа профессионалов, если против нее идет обычная пехота. Я им устрою такую панику, что они у меня побегут, теряя штаны. Мне ведь не нужно истреблять всю живую силу. Достаточно выбить их из поселка, захватить этого Фараха и отойти. Если в Суруме не будет мирных жителей, то я там по возможности, конечно, повзрываю их укрепления, огневые точки, нарушу связь. Может, следом и наша авиация отработает. Это уже если вы с летунами договоритесь. А вам это удастся. Вы же все-таки представитель ГРУ. У вас очень серьезные полномочия по организации разведывательной работы, по контактам.

– Ты мне лекцию не читай! – с усмешкой заявил Сидорин. – Когда готов выехать?

– Через два часа. Выпрошу у местного командования снайперов и сразу отправлюсь.

– Сам выпросишь? – Полковник прищурился. – Или мне подключиться?

– Нет, Михаил Николаевич, вам не стоит светиться. Вы фигура очень заметная, ваш выход на контакт может все испортить. А я втихую сработаю. На личных связях. Я же разведчик! Об этом и знать-то будут немногие. Почти никто. Да и поедут сирийские снайперы не с нами, а чуть позже.

– С вами безопаснее.

– Не скажите. Да и здесь могут увидеть, что мы вместе выезжаем. А так все нормально пройдет. Мол, каждый по своим делам.

Котов приказал снять станковые пулеметы с турелей, установленных в кузовах пикапов, на которых передвигалась его группа. Даже крупнокалиберный, с которым бойцам пришлось основательно помучиться. Кузова они накрыли брезентом, натянутым на железные дуги. Все это парни проделали, загнав машины в авиационный ангар.

Котов лично проверил, как уложено снаряжение, потом прошел вдоль строя, вглядываясь в лица своих бойцов.

«Ничего, парни поспали минимум по четыре часа. Дорога монотонной не будет, да там ее практически и нет. А на месте я им дам еще отдохнуть попеременно, – решил командир. – Самому бы выдержать, но на этот счет есть химия. Ничего, с таблетками я и по трое суток умудрялся быть в тонусе».

Капитан еще раз озвучил задачу, которую предстояло вы-

полнить его группе, и порядок движения до конечного пункта маршрута. Потом он приказал всем размещаться по машинам. Главное теперь состояло в том, чтобы пикапы выдержали девятичасовую гонку.

Машины неслись по шоссе около двух часов. Потом водителям пришлось свернуть и двигаться по каменистой пустыне. Котов специально построил маршрут таким образом, чтобы как можно меньше быть на виду, избегать людных мест и оживленных дорог. Он выбирал для передвижения те участки местности, где преобладала каменистая поверхность. Здесь за машинами не тянулся пыльный шлейф до самого горизонта.

Первый пикап, как и всегда, вел прапорщик Коля Алейников, прекрасный снайпер, человек с удивительным чутьем и интуицией и просто феноменальной зрительной памятью. Рядом с ним сидел заместитель Котова старший лейтенант Белов.

Капитан ехал во второй машине. Брянцева и Зимина он оставил в третьей, замыкающей. Котов не любил, когда все офицеры группы собирались вместе на марше или во время боя. Ударит мина или снаряд, и они погибнут. Кто в таком случае примет командование, завершит операцию или выведет людей из боя? Хотя больше половины бойцов группы были людьми опытными, способными принять правильное самостоятельное решение практически в любой ситуации. Они уже не раз это делали, радовали Котова, вселяли в него гор-

дось за то, что он смог научить, воспитать таких ребят, на которых можно положиться как на самого себя.

Машины шли на максимальной скорости, которую только позволяла развить грунтовая дорога. Большие камни при ее прокладке рабочие убрали. Скальные участки она обходила стороной. Мелкий щебень основательно уплотнился за то время, пока тут ездил автотранспорт. В основном, конечно, грузовики, принадлежащие местному населению.

Теперь вокруг на многие сотни километров было пустынно. Поселки и деревни заброшены. Многие здешние жители бежали к морю. Кто-то через Турцию отправлялся в Балканские страны, некоторые через Северную Африку и Средиземное море попадали в Италию и дальше, в континентальную Европу.

Алейников старался не перегружать мотор и ходовую часть. Повороты он проходил плавно, чуть сбавлял скорость и снова ее набирал.

Вдруг передняя машина резко вильнула. Водитель не притормозил, объезжая препятствие, а именно бросил пикап в сторону. Так делает человек, уворачиваясь от...

Это сравнение пришло в голову Котову не случайно. Да и контрактнику, сидевшему за рулем, тоже. Он машинально резко взял вправо, пошел следом за передней машиной.

В воздухе тут же пронеслась граната, за которой тянулся еле заметный сизый хвост. Она скользнула по огромному валуну и взорвалась за ним. В небо взметнулась туча мелкого

каменного крошева.

– К бою! Засада! – выкрикнул Котов и вывалился из машины на камни, не дожидаясь, пока она остановится.

Из первого пикапа горохом высыпались спецназовцы и мгновенно рассредоточились. Пустыню, удивительно безветренную сегодня, рассекли автоматные очереди. Машины встали на расстоянии 20–30 метров друг от друга, примерно на прямой линии, чтобы не попасть под один удар. Котов не спешил отдавать команды. Его бойцы четко знали порядок своих действий на такой вот случай, весьма нередкий в их работе, – нападение на головную машину во время марша.

По боевому расписанию, личный состав, находящийся в головной машине, должен был занять оборону, определить количество противника, его расположение на местности, отразить атаку, если таковая последует. Спецназовцы из второй машины прикрывают фланги группы, не дают охватить колонну с двух сторон. Бойцы, ехавшие в третьей машине, разворачиваются на случай нападения с тыла. Таким вот образом группа мгновенно занимала круговую оборону с командиром в середине и офицерами на каждом рубеже.

Противник выбрал участок дороги, очень подходящий для удара из засады. Перед ним ровное пространство, колонна как на ладони. Исламисты – или кто-то еще? – скрытно размещались в камнях у самой дороги и могли расстреливать спецназовцев, оказавшихся на открытой местности.

Котов это оценил. Но он понял и кое-что другое. Его враг

поступил вроде бы грамотно, но очень уж шаблонно, строго по инструкции. Спецназовцы давно уже отработали методику отражения таких вот атак.

– Седой, я Барс! – крикнул Котов, прислонившись спиной к колесу машины и осматривая окрестности.

– Барс, засада! Видим пять стволов. Пока прижимаем. Втягиваться в драку нельзя. Мы тут как на ладони.

– Седой, прижми их огнем, не дай головы высунуть. По моей команде брось пару гранат правее себя. Подними пыль. Штык, у тебя за спиной чисто! Обойди уродов справа. Седой напылит, а ты броском за камни.

– Понял, Барс. Я готов.

Котов приказал своим людям вести круговое наблюдение, потом поднял голову и присмотрелся к позициям противника. Он засек пять стволов, ведущие огонь.

«Кажется, там еще кто-то есть, – подумал капитан. – Наверняка гранатометчики, но им не удастся высунуться и прицелиться. Базука – это не «калаш». Ее поверх бруствера не высунешь и вдоль самой земли гранату не пошлешь.

А втягиваться в перестрелку нам никак нельзя. Может, эти люди ждут подкрепление? Как-то они вяло воюют. Или стараются оставить нас без транспорта? Еще не хватало, чтобы мы лишились машин. Работаем в темпе, неожиданно!»

– Всем, я Барс! Штык, приготовиться! Остальным – шквальный огонь! Седой – гранаты!

Одна за другой взлетели в воздух две гранаты. Белов угля-

дел участок перед камнями, покрытый мелким щебнем. Эти белые камешки пачкают ладони, одежду. Взрывы дадут много светлой мучнистой пыли.

Гранаты грохнули почти одновременно. Пространство между машинами и камнями впереди заволокло сизым облаком.

Котов и два его бойца сменили позицию, перебежали правее и снова залегли. Мимо них почти беззвучно пронеслись четверо спецназовцев с Андреем Брянцевым. Савичев и Ларкин на ходу снимали с локтей ремни автоматов, готовились к рукопашной схватке, вполне возможной при таком раскладе.

Со стороны камней все-таки ухнул гранатомет. Выстрел ушел выше и левее машин. Пустая туба от выстрела покатилась с каменной стенки, а на гряде камней повис человек в черной куртке с растрепанными длинными волосами.

Котов глянул на часы. Схватка продолжалась четыре минуты. Сейчас в дело должен был вступить Брянцев.

Котов опустил руку с часами. Тут же коротко и деловито начали бить автоматы спецназовцев, оказавшихся за каменной грядой. С треском разорвались две гранаты.

Потом выстрелы стали раздаваться реже. Очереди сделались короче, по два-три патрона. Так солдаты добивают раненых, но опасных противников. Иначе кто-то из них попытается прицелиться в тебя или из последних сил поднимет руку, в которой зажата граната.

Котов велел своим людям прекратить стрельбу. Иначе они могли задеть товарищей своих. По интенсивности огня он понял, что позиция зачищена.

За камнями кто-то истошно заорал. Потом слышались громкие, довольно угрожающие выкрики на арабском, и все стихло.

– Барс, я Штык! Чисто и красиво. Советую посмотреть.

На гряде появился Максим Савичев. Он деловито вытер свой нож о какую-то тряпку, бросил ее, сунул клинок в чехол и, ни на кого не глядя, потащил за камни труп, висевший на верхушке гряды.

Котов приказал своим наблюдать, поднялся на ноги и легко взбежал по камням. Он глянул на то, что натворила маленькая группа лейтенанта Брянцева, и одобрительно покачал головой. Да, Ларкин и Савичев – настоящие мастера рукопашной схватки. С ними шел Брянцев. Позывной Штык он получил не просто так, а за свою феноменальную реакцию, умение молниеносно наносить колющие удары. Причем не только ножом, но и голой рукой.

Брянцев подошел, на ходу меняя магазин в автомате и вешая его на шею.

– Вот примерно как-то так, – сказал он, обводя рукой позицию и трупы, разбросанные между камнями. – Эти народные герои восьмером пытались нас остановить. Бред какой-то! Они что, анаши обкурились?

– Не скажи, Андрей. – Котов спустился по камням и под-

нял тубу от гранатомета. – Ты знаешь эти штуки? Это натовский «Армбруст». Он предназначен для уничтожения бронированных объектов, огневых точек и укреплений. Фигня одноразового применения. Вся прелесть в том, что при выстреле почти нет ни пламени, ни звука. Внутри хитрая мембрана, на которую давят пороховые газы. Самое то для террористов и диверсионных групп. Прицел предназначен для простых смертных, не заумный, а упрощенный, зеркальный.

– Они не нас ждали?

– Может, и так. Только их больше было. Эти ребята вынуждены были нас атаковать.

– У боевиков хватает всяких противопехотных штук. А этим по необходимости и от безысходности пришлось стрелять в нас бронебойными гранатами. Поэтому они и из-за камней неохотно высывались. Нет?

– Черт, это же значит, что к нам на всех парусах летят другие бандерлоги!

– Вот и я о том же.

– Надо изобразить, что нас тут всех положили. Когда гости подойдут, мы их и поприветствуем.

– Займись с Седым дымом. Поищите резину для копоты. Пусть дым закроет гряды и наши машины со стороны пустыни.

Через пятнадцать минут, когда вдалеке слышались натужные звуки перегретых автомобильных моторов, у спецназовцев все было готово. Возле двух пикапов в небо били

столбы черного дыма, закрывающие машины от глаз приближающихся боевиков. Третий автомобиль, замыкающий колонну, стоял с распахнутыми дверками и поднятым капотом. Он вроде как был сильно поврежден. Несколько тел в самых зловещих позах застыли между машинами.

Старший лейтенант Белов, очень крепкий физически, стоял на каменной гряде и держал за ремень перед собой тело одного из убитых боевиков. Переодеваться уже не было времени. Да и особой необходимости тоже. Дым застилал большую часть позиции, недавно занимаемой засадой, разгромленной российским спецназом. Террористы вполне могут различить одного из своих людей и не успеют понять, что кто-то посторонний держит всего лишь труп. Еще пара тел валялась на самой гряде, изображая жертвы страшного кровопролитного боя, в котором погибли все русские бойцы.

Четыре почти таких же пикапа, как и те, которые использовали спецназовцы, приближались с северо-востока. Над каждой кабиной торчал ствол станкового пулемета.

Котов в бинокль разглядывал автомобили и пытался сосчитать, сколько боевиков могло в них находиться. Грузоподъемность внедорожника составляет шестьсот, от силы восемьсот килограммов. В каждой машине водитель и один человек в кабине на переднем сиденье. В кузове еще двое или трое. Никак не больше.

Котов насчитал максимум восемнадцать боевиков. Ну что же, примерно на такой расклад он и ориентировался, когда

планировал свои действия.

Теперь нужна небольшая корректировка. Все четыре машины наверняка не станут подъезжать к месту боя. Такова элементарная предосторожность, которая присутствует в сознании даже у самого дремучего дебила. А тут таковыми и не пахнет. Налицо всего лишь недостаток опыта со стороны бандитов.

– Внимание всем, я Барс, – проговорил Котов в коммуникатор. – Сокол и Боб берут на себя замыкающую машину. Потом на вашей совести гранатометчики, пулеметчики и водители. Пикапы не жечь. Они нам нужны.

Коля Алейников и Боря Крякин – опытные снайперы. Они сработают четко. Боевики, находящиеся в той машине, которая не станет подъезжать, а останется в отдалении, обречены. Они не смогут прикрыть своих товарищей. Потом снайперы будут вести огонь по другим целям, если таковые останутся к тому моменту. Но это худший вариант. Подстраховка. Все надо закончить в течение минуты. Максимум за полторы.

Котов продублировал приказы другим своим бойцам, продолжая разглядывать приближающиеся машины. Водители уже заметно сбавили скорость, двигались медленно, развернув пикапы шеренгой.

«Это правильно, но пока их поведение ничего не меняет. Решение вполне элементарное – не подставляться скопом под удар возможного противника. А вот это они уже зря», – с удовлетворением подумал Котов, увидев, что три машины

из четырех прибавили скорость и рванули к каменной гряде.

Пулеметчики в кузовах пикапов поводили стволами, искали цель, пытались вовремя заметить опасность, поджидающую их.

«Еще метров пятьдесят. Тридцать. Сейчас они все поймут!»

– Всем, я Барс! Работаем!

Первыми начали Коля Алейников и Боря Крякин. Снайперы открыли огонь по той машине, которая отстала от первых трех и двигалась к позиции спецназовцев особо медленно. Первая пуля пробила лобовое стекло кабины и угодила в голову водителя. Вторая свалила пулеметчика в кузове. Боевик упал прямо на руки своего товарища, опешившего от неожиданности. Третья пуля тут же проделала кровавую дыру в его глазнице.

Боевик, сидевший в кабине, понял, что они попали под обстрел, открыл дверцу, но выскочить не успел. Пуля снайпера с характерным щелчком пробила тонкий металл и впилась ему в грудь. Боевик упал, зацепился за что-то ногой и волочился за машиной, пока движок не заглох и она не остановилась.

Экипажи передних трех машин не успели узнать, что их товарищи расстреляны. Три пикапа рассредоточились. Один подъехал к машине с поднятым капотом и остановился. Из него выскочили два плохих парня. Они навели стволы автоматов на тела, лежащие на камнях, и стали приближаться к

ним.

Две другие машины остановились, чуть не доезжая до гряды. Из них выбрались еще несколько человек.

Тут безжизненное пространство недавнего побоища, чадившее черным дымом, вдруг ожило одновременно во всех местах.

Старший лейтенант Белов бросил безжизненное тело боевика, которое держал вертикально, и упал сам. Свое дело он сделал – убедил приближающихся боевиков в том, что здесь, на гряде, свои.

Четыре автомата короткими очередями уложили нескольких боевиков. Остальные заметались, искали укрытия и отвечали беспорядочным огнем.

Пулеметчик на первой машине не успел даже развернуть ствол своего оружия, как несколько пуль нашли его, прошили грудь. Боевик со стоном сполз на дно кузова.

Со второй машины ударила пулеметная очередь. Она выбивала каменное крошево из верхушки гряды и заставила спецназовцев пригнуться. Но пуля, выпущенная Крякиным, разнесла череп боевика.

Третья машина развернулась, выбрасывая мелкие камни из-под колес, и понеслась назад в пустыню. Пулеметчик в кузове присел, спасаясь от выстрелов, но это ему не помогло. Две пули тут же прошили металл кабины пикапа. Машина замедлила скорость, ее поволокло боком. Наконец она остановилась. Из открытой дверцы свесилось мертвое тело води-

теля. Пулеметчик лежал в кузове на боку, глядя в небо бессмысленными мертвыми глазами.

Котов шел между машинами. Его бойцы вытаскивали из них убитых боевиков и складывали их в ряд на камнях.

– Молодцы, хорошо сработали. Оружие осматривать!

– Командир! – Сашка Белов, сидевший на корточках возле трупов боевиков, поднялся навстречу Котову и заявил: – Нам придется осваивать их технику.

– Что случилось? – Котов сразу понял, о чем речь, и повернулся в сторону своих машин.

– У одной движок пробило пулей. Как раз в районе картера. Масло не держит. У второй – бензопровод.

– А их машины?

– В принципе в порядке, – ответил Белов. – Самая хреновенькая у них вон та, которая вдалеке остановилась. Стекло у нее разбито. В глаза бросаться будет. Да и ушатанная. Можно, конечно, разукomплектовать ее и привести в порядок наши тачки, но...

– Ты прав. Нет у нас нескольких часов, – сказал Котов, глянув на часы. – Тащить наши машины на буксире до Сурума нерационально. Уйму бензина лишнего сожжем, да еще и перегреем движки по такой дороге. К черту! Снять колеса, взять их с собой на запас, бензин слить. И вперед!

Глава 3

Тот факт, что командира сирийского батальона рейда – то есть майора – Сани пришлось уговаривать, Котова не удивил. Здешние офицеры опасались серьезных потерь личного состава. Они готовы были планировать операции в течение нескольких недель, неоднократно использовать для обработки позиций боевиков артиллерию и авиацию, при малейших сомнениях в успехе отказываться от первоначального плана. У Котова часто возникало подозрение в том, что именно такая вот чересчур осторожная тактика и привела к тому, что сирийское правительство перестало контролировать большую часть территории своей страны.

Если бы Котов скрыл информацию, имеющуюся у него, то Сани, наверное, и стал бы действовать куда более энергично. Но тогда он был бы не готов к осложнениям, которых стоило ожидать в любой момент. Ведь разведка у сирийцев откровенно хромала. Подразделения, которые должны были заниматься ею, по большей части выполняли функции штурмовых отрядов.

Если бы в распоряжении Котова сейчас имелась хотя бы рота, даже не своя, а сирийская, то он был бы уверен в успехе и спланировал бы операцию совершенно иначе. Да, рейд Сани командовал пехотным батальоном, но, к сожалению, только на бумаге. Это подразделение едва дотягивало до поло-

вины штатной численности и на две трети состояло из необстрелянных и едва обученных добровольцев. Командир батальона не был уверен в своих солдатах. Капитан видел это невооруженным глазом. Раид Сани очень не хотел отвечать за гибель молодых неопытных солдат.

– У нас нет оснований полагать, что боевики готовят нападение из района Сурума, – перевел Зимин очередную тираду сирийца.

– Какие у вас вообще есть сведения о составе группы, расположенной в Суруме? – хмуро осведомился Котов.

Они стояли под навесом из брезента, натянутого на шесты посреди низкорослого пустынного кустарника в нескольких километрах от окраин Сурума. Российские спецназовцы расположились особняком, быстро замаскировали свои машины и снаряжение. Любопытных сирийских солдат, жаждущих выразить симпатию боевым товарищам, часовые вежливо провожали восвояси.

– Сведений у нас мало, – ответил Сани. – Мы наблюдаем за поселением, но подхода дополнительных сил или прибытия тяжелого наступательного вооружения пока не зафиксировали.

– Наступать можно и теми силами, которые имеются в наличии у командиров боевиков, – возразил Котов. – По нашим сведениям, их там не менее трех сотен. Они вполне могут рассыпаться на мелкие отряды и просочиться к важному объекту вашей инфраструктуры, интересующему их. Там

противник соберет ударный кулак либо станет действовать небольшими группами, что тоже вполне эффективно. Особенно если владеть хотя бы основами диверсионной работы.

– Я не могу бросать в бой необученных молодых солдат, не имея сведений о противнике, – проговорил сириец.

– Вы получили приказ? – осведомился Котов.

– Да, приказ я получил.

Лейтенант Зимин, переводивший слова командира сирийского батальона, в этом месте так удачно изобразил его интонации, что заставил Котова улыбнуться.

– Но у меня есть и собственные права. Например, не начинать операции, не имея сведений о противнике, не зная его намерений и планов хотя бы приблизительно.

– Сведения я вам привез. А намерения противника очевидны. Он усиленно проводит разведку, что косвенно подтверждает подготовку к операции против вас. Действуют разрозненные группы на автомашинах и углубляются на подконтрольную вам территорию на десятки километров.

– Откуда вы знаете? – осведомился сириец и тут же обернулся.

В этот момент по знаку Котова его бойцы подтащили на кусках брезента и бросили под навесом оружие, собранное на месте разгрома засады боевиков несколько часов назад.

– По дороге сюда мы столкнулись как раз с такой группой, – объяснил Котов. – Как видите, они оснащены довольно серьезно, и не только легким стрелковым оружием. У них

с собой имелись даже гранатометы с боеприпасами бронетанкового действия. Если у вас еще нет сведений о начале такой активной разведывательно-диверсионной деятельности группировки из Сурума, то это может означать следующее. Вы просто не заметили диверсантов. Либо они уходят далеко отсюда, соответственно их цель находится где-то в другом месте. Не исключено, что боевики только начали такую вот деятельность и мы ликвидировали их первую группу.

– Мы очень даже конкретно заметили их деятельность, – вдруг мрачно проговорил сириец. – Два дня назад боевики почти полностью уничтожили взвод моего батальона, производивший разведку к юго-западу от Сурума.

– Что?.. Как это произошло? Очевидцы есть?

Зимин, переводивший беседу своего командира с сирийским офицером, увидел лицо Котова и сразу стал предельно серьезным. До этого времени лейтенант относился к беседе с некоторой иронией и снисхождением. Теперь до него дошло, что ситуация и правда складывается очень серьезная.

– Позавчера, – хмуро проговорил Сани, повернулся к карте, расстеленной на столе, и ткнул в нее пальцем. – Вот в этом районе, который считался у нас спокойным и где мы раньше боевиков не замечали. Я отправил один из своих самых подготовленных взводов проверить местность, а также провести наблюдение за работами, которые боевики затеяли на юго-западной окраине поселка.

– Что за работы? – уточнил Котов.

– Издалека нам было заметно, что противник укрепляет периметр или возводит блокпост. Видна была работа строительной техники. Я решил уточнить ситуацию. Возможно, боевики в Суруме готовятся к приему тяжелой техники, роют танковые окопы или укрытия для бронетранспортеров.

– Понял. Что произошло дальше?

– К вечеру взвод попал в засаду в трех километрах южнее Сурума. Она была очень хорошо организована.

– Почему вы так решили? – спросил Котов.

Сириец блеснул на него глазами, но сдержал раздражение. Намек на то, что его бойцы имели слабую подготовку, командиру батальона пришлось проглотить. Сани отвернулся и посмотрел на поселок, видневшийся вдали.

– Я сделал такой вывод по результатам боя, – ответил он. – Выжили командир взвода и несколько солдат. Им удалось скрыться, воспользовавшись темнотой.

– Черт побери! – буркнул Котов и тут же посмотрел на своего лейтенанта, пытаясь понять, станет ли тот переводить и ругательства. – И вы молчали!.. Зовите сюда вашего командира взвода!

Невысокий мужчина с густыми усами и жестким взглядом, вытянувшийся перед рейдом Сани, никак не выглядел слюнтяем, новобранцем или трусом. Командир батальона кивнул на русского капитана и представил своего офицера. Это был мулязим авваль, то есть старший лейтенант Бакир. Он четко, по-военному повернулся к спецназовцу и уперся

в него напряженным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.